

4. Гуревич П.С. Духовный спор цивилизаций // Философия и культура. 2015. № 10 (94) [DOI:10.7256/1999-2793.2015.11.15601]

5. http://palm.newsru.com/world/13mar2016/merkel_crisis.html. Дата обращения 14. 03.2016

6. <http://www.1tv.ru/news/world/291919> Дата обращения 3.03.2016

Головнева Е.В.

*Екатеринбург, Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина*

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ¹

В статье рассматриваются ценностные основания развития региональной культуры, выделяются такие регионообразующие факторы, как развитость постиндустриальной экономики и образования, географическое положение, культурная стандартизация региона. Ценностные предпочтения жителей региона связываются с приверженностью к определенным разделяемым символам. Обозначается роль коллективной памяти как фактора формирования региональной идентичности.

Ключевые слова: регион, региональная идентичность, региональные ценности, символы, коллективная память

This article seeks to consider the axiological foundations of development of regional culture and such factors of region-building as a postindustrial economy and education, geographical location as well as a cultural standardization of

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-33-01038

the region. The axiological choices of regional residents are supposed to be related with their attachment to the specific shared symbols. The author analyses also the role of collective memory as a factor of the development of regional identity.

Keywords: region, regional identity, regional values, symbols, collective memory.

Если понимать региональную идентичность как субъективную связь человека/регионального сообщества с местом его проживания, то в содержании региональной идентичности определяющую роль играют не идеологические мотивы, а культурные ценности. Г.С. Корепанов определяет региональную идентичность как переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной локальной общности, формирующие «практическое чувство» (самосознание) территориальной принадлежности индивида и группы [1, с. 237]. В.Н. Гайдуков использует понятие «региональный этос» для обозначения системы ценностей и духовных предпочтений, стереотипов мышления и правил поведения, которые исторически сложились на данной территории и определяются базовыми природно-географическими и социально-экономическими характеристиками реального регионального бытия [2, с. 156]. В некоторых случаях можно говорить даже о существовании особого морально-этического кодекса, сложившегося на определенной территории.

На выстраивание и модернизацию ценностных предпочтений в регионе оказывают влияние такие регионообразующие факторы, как развитость постиндустриальной экономики (особенно высшего образования и рыночных услуг), географическое положение (центральность/пограничность регионов), культурная стандартизация (наличие патриархальных, этнических, религиозных традиций), тип регионального политического режима (авторитарность/демократичность политического курса). Эти факторы образуют реальность, которая интерпретируется людьми, имеет ценностно-смещенный характер, сопровождается оценкой качества собственной региональной инаковости.

Благодаря промышленной структуре экономики региона в региональной идентичности может преобладать индустриальная ментальность и ценностные предпочтения (Волгоградская, Омская, Пермская, Свердловская обл.). В рамках такой ментальности можно выделить, к примеру, трудовой этос «рабочего класса» региона. Отличительными чертами такого типа идентичности является умеренность, отсутствие эпатажности, ориентация на стабильность и общественное согласие. Так, в Тюменской области ориентация экономики на добычу нефти и газа, появление научных институтов, обслуживающих добычу и разведку углеводородов, и административных учреждений явилось главным основанием формирования региональной идентичности вплоть до 1990-х гг [3, с. 76].

Переход к сервисной экономике и инвестиционная привлекательность региона «диктует» появление в нем «дискурса реиндустриализации» и «дискурса столичности», и в ценностном плане задает ориентацию на более высокие стандарты потребления (Екатеринбург, Новосибирск, Казань, Нижний Новгород). Развитость экономики позволяет сохранять в таких регионах относительную плюралистичность в политической деятельности и в выстраивании собственных логик развития. В символическом плане сервильность подобных регионов с разнородными ресурсами, готовыми обслуживать столичные центры, замещается идеей центрального значения таких регионов для страны (дискурс Урала как «Хребта России», Казани как «третьей столицы» и т.п.).

Длительное развитие региона как центра образования и науки обеспечивает большую выраженность в региональной идентичности ценности независимости и культурной, гражданской активности (Томск, Пермь). Основное население таких регионов — это пресловутые «понаехавшие» люди, которые по разным причинам оторвались от своих традиционных корней, и города, которые формировались не как традиционные поселения с собором в центре, а как индустриальные и научные мегаполисы. В случае с Пермью — перечень достижений региона, которые подчеркиваются в направлении гражданской активности, связаны с тем, что Пермь и Пермская земля — это: родина российского экологического

движения; родина гражданского контроля; родина альтернативной гражданской службы; родина российского института регионального уполномоченного по правам человека; родина антисталинизма (Пермь-36); родина российских прав пациентов; родина реального общественного самоуправления; родина приватизированных общежитий [4].

Невыгодное периферийное местоположение региона может усиливать преобладание местнических установок, депрессивного мироощущения, дискурса бесперспективности (промышленные регионы Урала и Сибири, Псковская, Кировская область). В то же время есть регионы, в которых актуализированы ценности народной культуры в сочетании с образцами фольклора. Так, в Архангельской области в постсоветское время активно развивается представление о Русском Севере как прообразе и символе всей России и его особой роли в духовном преображении российской действительности.

Важным компонентом региональной идентичности, связанным с ценностями, являются оценочные суждения, выраженные в притязании на признание, выполнение особой миссии, стратегической роли в системе государства. Это, например, обуславливает появление в региональной идентичности дискурса о посреднической роли данного региона между разными культурами, ведение диалога и торговли с сопредельными государствами, его миссии по распространению неких идей. Достаточно указать на наличие в обыденном сознании таких метафор, как «опорный край державы» (Урал), «военный форпост Юга России» (Дагестан), «центр исламской цивилизации» (Чечня) и др. Географом М.П. Крыловым выделяется три ракурса региональной идентичности по отношению к культурным ценностям, которые образуют, в свою очередь три типа дискурса: надтрадиционная — «мы лучше других, потому что мы самые успешные, передовые, «продвинутые»; транстрадиционная — «мы любим свою землю, наш край, потому что это — наша земля», традиционалистская — «мы лучше других, потому что мы отличаемся от других; мы гордимся нашей землей, потому что мы другие» [5, с. 34].

Именно культурные ценности часто используются для конструирования моделей региональной идентичности, как

выражения рекламируемого в коммерческих целях образа жизни региона. Культурные ценности в данном случае воспринимаются как «актив», который следует использовать для так называемого продвижения или конструирования региона и из которого можно извлечь серьезную прибыль.

Ценностные предпочтения жителей региона выражаются в приверженности к определенным разделяемым символам. Согласно финскому ученому А. Пааси, региональные символы и значения объединяют прошлое, настоящее и будущее региона, они играют ключевую роль в обозначении экономического и политического единства региона как «изнутри», так и «снаружи». Значение символов состоит в производстве и воспроизводстве социальной целостности и социально-пространственной отличительности [6, р. 167]. Символическую природу имеет название региона, материальные объекты (памятники, архитектурные сооружения), значимые личности, ритуальные действия (праздничные события, жизненный стиль регионального сообщества).

Региональная идентичность тесно связана также с проблемами восприятия времени и толкования культурного прошлого, воображаемой идентификацией. Необходимым фактором формирования и существования региональной идентичности является память, которая дает возможность человеку ощущать свою принадлежность к региону в разные периоды его жизни. Однако, память — это не только личные, частные воспоминания, но и коллективные поминовения, т.е. разделяемая память, в рамках которой выстраивается иерархия исторических ценностей и происходит отбор исторических фактов и событий по их общественной значимости. Примерами такой разделяемой памяти могут служить предания и легенды, топонимика, исторические повествования и символика, а также праздники и ритуалы. При этом, согласно Д. Смиту и С. Берчу, они не обязательно должны быть официально представлены и закреплены; часто они являются «невидимыми» для внешнего наблюдателя [7, р. 402]. Региональная идентичность конструируется посредством обращения к «перевернутой», внутренне ориентированной истории, которая обращается в прошлое, к усвоенным моделям происхождения [8].

Различия в общей направленности на определенные ценностные ориентации не обязательно должны быть полностью отрефлексированы и вербализованы, но хотя бы частично они осознаются и воспринимаются и тем самым входят в состав региональной идентичности. В то же время, нельзя не отметить, что для региональной идентичности характерна ценностная гетерогенность, неоднородность, мозаичность, так как она определяется множеством социальных субъектов, ценности которых могут не только не совпадать, но и носить антагонистический характер. Так, Е.В. Дзякович выделяет в идентичности микрорегионального уровня наличие различных групповых концептосфер: профессиональных, возрастных, гендерных, территориальных, а также противостояние «низовой» и «официальной идентичности» [9, с. 32]. Но поскольку каждое сообщество региона представляет собой независимое культурное образование со своими стандартами представления о должном, то выделенные характеристики ценностно-нормативной среды можно считать общим знаменателем ценностного компонента региональной идентичности.

Региональная идентичность, следовательно, предстает как динамическая структура, которая обнаруживается в процессе формирования «репертуара» повседневных практик [6, р. 165]. Подвижность региональной идентичности вызвана, в том числе, объективными условиями — продолжающимися изменениями в физическом пространстве (перемещением границ, изменением ландшафта, сменой архитектурных сооружений, институциональных форм и т.п.). С изменениями физического пространства меняются и ценностные представления, символы, жизненный уклад и социальные отношения индивидов. Региональная идентичность может усиливаться (иметь статус «артикулированной региональной идентичности») и ослабляться («исчезающая региональная идентичность») в результате изменения именно ценностной компоненты.

Список литературы

1. Корепанов Г.С Региональная идентичность как объект социологического анализа // Материалы Всероссийской на-

учно-практич. конференции «Современное общество и социология» — Туапсе. 24-26 сентября 2008. С. 237-248.

2. Гайдуков В.Н. Региональный этос и «москвоборчество»: феноменология политической культуры современной России // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М: Моск. общ. науч. центр, 1999. С. 155-156.

3. Машнина М.В. Тюмень: нефтяной край versus пилотный регион // Культурная политика в регионах и борьба за идентичность / Гл. ред. В.В. Маланин. Вестник Пермского ун-та. Сер. Политология, 2011. С. 75-84.

4. Назукина М.В. Особенности региональной идентичности Пермского края. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://geum.ru/next/art-156821.php> (дата обращения: 26.01.2016)

5. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый Хронограф, 2010.

6. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia, 71-72, 2011.

7. Smyth D., Burch S. Enacting Identities in the EU-Russia Borderland: An ethnography of place and Public Monuments // East European Politics and Societies Volume 26 Number 2 May 2012. P. 400-424.

8. Osborne B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. Режим доступа: http://clio.110mb.com/Osborne_Landscape.pdf (дата обращения: 21 августа 2013 г.)

9. Дзякович Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов. Автореферат дис. на соиск. уч. степ. доктора культурологии. М., 2001.